

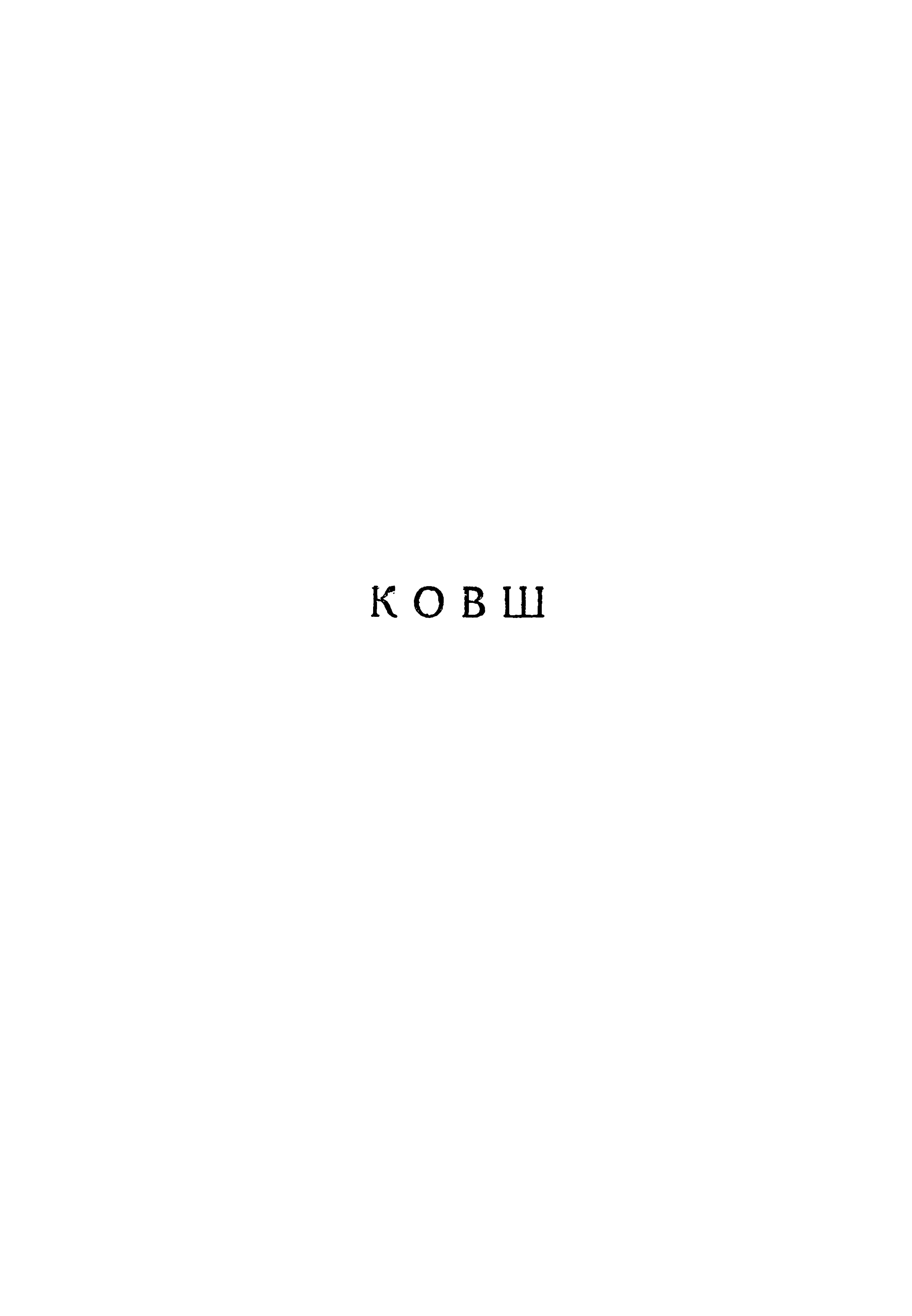
ДЕЛЬФИН
МОСКВА

Настоящее издание отпечатано в 7-й типографии „Мосполиграф“ в количестве одной тысячи экземпляров

Обложка—гравюра на дереве А. Усачева. Марка издательства работы В. Фаворского

Главлит № 7127.

КОВШ

ФИЛИПП ВЕРМЕЛЬ

КОВШ

СТИХИ

„ДЕЛЬФИН“

МОСКВА — 1923

МОСКВА

На площадях, на улицах кипенье
Народа напряженней, чем когда-то.
Гудит трамвай. Впервые прошлым летом
В котлах асфальт варился, маляры
Работали на обветшавших крышах.
Как грязно, жалко все кругом,— но скоро
На месте пустырей домов громады
Воздвигнутся, преображая вид
Раскинувшейся широко столицы.

Как я люблю толкаться среди шума
По улицам кривым, холмистым, скользким.
Мороз крепчает,—градусов пятнадцать,—
Стоит на небе красный тусклый шар,
И я впиваю тусклое блистанье
И новой жизни свежее дыханье.

1922.

И лился свет, сквозил и таял,
И зеленел неуловимый пух,
И от деревьев, словно усыпляя,
Шел слабый, сладкий, нежный дух.

И я сидел,— и все кругом дышало
Призрачной прелестью весны.
Текла река. Душа моя молчала
И погружалась в сны.

И странному был отдан я покою,—
Я смутной мыслью в дали улетал,
Я помнил, что сижу над медленной рекою,
Но мир вокруг бледнел и исчезал.

И я узнал блаженное забвенье,
И этот миг хотелось вечно длить...
И лился свет, и веял дух весенний,
И вилась дремной жизни нить.

1920.

Быть может, я вправду увижу
Белорусское небо
И луга, зацветающие вереском,
О которых мне рассказывала ты.

И пройдусь по улицам
Провинциального города,
А месяцы нашей разлуки
Останутся позади...

Знаешь, с такими мыслями
Жить мне гораздо легче,
Необыкновенная бодрость
Иногда охватывает меня.

Чуть брезжит зимнее утро,
Я еще лежу в постели, —
Ведь всегда, когда просыпаюсь,
Я думаю о тебе.

1919.

Пью кипяток из солдатской кружки.
Свежо. Светает едва.
После бессонных ночей в теплушке
Кружится голова.

Низенькие домики, обнажающиеся поля,
Ясное небо и тополя...

А после — сухим волненьем,
Как лихорадкой, томим,
Воздух вдыхая весенний,
Я по улицам шел чужим.

И мысли были в тумане,
И свет застилало в глазах,
И вот — поцелуй свиданья
На пересохших губах.

И вот — я лежу в забытьи,
— Наяву все это, иль чудится? —
Но ты наклоняешься, губы твои
Пахнут весною и улицей...

Меня баюкала любовно
Утренних комнат тишина,
И чистый воздух жизни новой
Вливался медленно в меня.

1920.

Я схожу со ступенек в сад.
В темном небе звезды горят.
Светится ярко созвездье Ковша.
Ночь тиха, свежа, хороша.
Тянет, впивает и мучает взор
Этот сверкающий звездный узор.
В высь опрокинулся я — наяву
В звездных холодных пространствах плыву.
Странно и дивно и жутко мне
В млечной волне, тишине, вышине.
Изредка струйкой летучей звезда
Скатится и сгорит без следа.
Издалека паровоз прогудит,
Листьями ветер в саду прошуршит.
Звезды и ночь... И каждый звук,
Словно незримого сердца стук.

1922.

Мне вспоминается жуткий,
Призрачный, неживой
Свет, озаряющий до полночи
Переулок пустой.

Ветер, порывами дующий,
Наплывающие облака
И тишина,—лишь выстрел
Доносится издалека.—

И в тишине беспокойной
Мы, блуждающие вдвоем
По тротуарам пустынным
С мыслями об одном...

О, какою томительной мукой
Меня обжигали они, —
Эти дни перед близкой разлукой,
Эти душные, летние дни!

1919.

Неуверенность, сомненья,
Страх разлуки, смутный страх,
Я с печалью различаю
Вас в задумчивых чертах.

Летний, долгий, душный вечер.
Улицы уже пусты.
Мне глядеть, не отрываясь,
В похудевшие черты.

1919.

Только что встало солнце,
Пахнет прелью и гарью.
Меж оголившихся веток
Бледно синеет небо.

Изредка желтая белка
Быстро промчится меж сосен,
Птица порхнет иль чирикнет —
Тихо в лесу осеннем.

1921.

С. А-ву.

Здесь, на тенистой дороге лесной
Пахнет сыростью и хвоей.
Ветви раздвинешь и кинешь взор,—
Пестрый из чаши глядит мухомор.
Сучья, сухие стволы — в полумгле
Пятна брусники на мшистой земле.
Долго стою. Тишина, полумгла,
Словно меня унесла, увела.
Сузился мир и исчез — один
Ровный, блаженный шорох вершин.
Нехотя чары с себя стряхнешь,
Из лесу выйдешь и грудью вздохнешь:
Ах, какая даль и простор,
Тусклый, зеленый и синий ковер.
Ветер играет и тучи идут,
Легкие дальние звуки плывут.

1922.

Луг одуванчиками зацвел,
Рядом мальчишки играют в футбол.
Ловким ударом взносится мяч
В высь над опушкой и крышами дач.
А над шоссе, как облако, пыль, —
Вихрем проносится автомобиль...
Я возвращаюсь с прогулки назад
К полю, откуда виден закат.
Передо мною речка блестит,
Солнце пылает, и небо горит,
Волны огня и лазури. И вдруг—
Тучка завесила огненный круг.
И синева, расширяясь, ползет,
Месяц светлеет над лесом, и вот—
В небе прозрачном, точно слюда,
Слабою точкой мерцает звезда.

1922.

Я брожу, забывшись как-будто,
И мимо сознания льется
Это ясное раннее утро,
Небо и свет и толпа.

Потоком нахлынувших мыслей
Меня осаждают сомненья,
Меня невозможно волнует
И печалит моя судьба.

И я прохожу по базару
Под мягким осенним солнцем.
Звучит непривычный говор,—
Базар шумит.

И как-то легко мне и больно,
И хочется жаловаться и плакать,
И дрожит во мне сладкая горечь
Затаенных обид.

1919.

Пурпур аллей осенних,
Листьев шуршащих звук...
Недоуменья, сомненья
Как-то рассеялись вдруг.

И в тишину окунулось
Сердце, и в тишине
Кроткая радость проснулась
И заиграла во мне.

1919.

Как медленно сумерки сходят,
Как низко плывут тучи,
По тротуарам обсохшим
Как гулко шаги звучат.

И как мне легко в этот вечер,
Простившись сейчас с тобою,
Уноситься мыслью далече,
Не оглядываясь назад.

Я брожу по пустым переулкам,
Я в тишине их лелею
Счастливые тайные думы
И напев еще смутных строк.

И впервые после бессонниц
И после трудных признаний
Лицо обдувает весенний,
Успокаивающий ветерок.

1918.

По переулкам вниз,
Хочешь, сойдем к реке.
Там и простор и высь,
Лес и поля вдалеке.

Так хорошо ведь там,
Верно, сошел уже лед,
И по омытым лугам
Плавно река течет.

Жаворонки поют,
И зеленеет трава,
Над головой—синева,
И облака плывут.

Там на скамейке с тобой
Мы над водой посидим
И возвратимся домой
По тротуарам сухим.

1920.

В ЛАВРЕ.

Ах, откуда ни взглянешь,
Странный и милый вид,—
Зимнее небо в тумане
Чуть синевою сквозит.

Как хороша колокольня,
Розовый ея тон,
Словно над жизнью дольной,
Легкой рукой вознесен.

Тишь и веселье струится
С главок и стен — это тут
Где-то райские птицы,
Тихо усевшись, поют.

1922.

Как праздничен день морозный,
Какая бодрящая свежесть,
И снег скрипит под ногами,
И нежится глаз белизной.

Хорошо итти по аллее
Мимо замерзшего пруда,
Вдаль глядя сквозь стволы запушенные
И чувствуя локоть твой.

И, помню, к лицу наклонившись,
Я в темных глазах увидел
Ту же мгновенную радость,
Что охватила меня...

Ясный, морозный воздух
И небо особенно светлое
Над этим знакомым бульваром
В блеске зимнего дня.

1919.

В. Ш.

Не могу Вас назвать приятелем,
Друг от друга мы далеки,
Судьбы моей предсказатель
По линиям руки.

Но в мыслях часто встаете
Задумавшийся Вы,
Вечер, в окно кабинета
С Захарьевской шум толпы.

Отчего мое сердце сжималось,
Как от зловещего сна,
И жизнь мне рисовалась
Печальна и неясна?

За странным ее развитьем
С каким я волненьем следил,
Но призрак любви и славы
Меня к себе не манил...

1919.

Блестит и извивается
Спокойная река.
Трава влажнеет. Сыростью
Повеяли луга.

И аист подымается
И медленно летит,
И где-то за осокою
Дергач кричит, кричит.

1920.

БЕЛОРУССИЯ.

... И зима, сырая и снежная,
— То мороз, то оттепель и слякоть —
Ветер, с окрестных болот дующий,
Речка, струящаяся из — подо льда.

И прозрачная мягкая осень,
Бледноватое небо над полями неяркими,
Тополя, тополя на горизонте
И неумолчный базарный шум.

Это твердое произношение „ч“,
Ласковое — „паничок“ и „барышничка“,
Сморщенное лицо старухи,
Хлопочущей у печи.

И аист с круглым гнездом его
На высоком клене,
Пролетающий над крышами,
Крыльями тяжело маша.

И льняные светлые волосы
Крестьянских ребятишек,
Хлопающих в такт в ладоши:
„Ах, ты, Юрочка, что не женишься,
Ты, детиночка, куды денешься?...“

1920.

Нас умчит из Москвы экспресс,
Мы проедем по всей Сибири,
Замелькают то горы, то лес,
То пустынные ровные шири.

А потом под горячим солнцем
Наш корабль поплывет средь валов,
И улыбнутся японцы
Нам со своих островов.

И сойдем мы на дальний берег
Когда-нибудь ранней весной.
Друг мой, в стране криптомерий
Будем мы вместе с тобой.

Ведь, может быть, это предвестьем
Будущих ясных дней
Мне явилась мечта путешествий
И манит меня все сильней.

1919.

В. Б.

Что-ж, я охотно сыграю,
Ставьте фигуры скорей,
Только не лучше ли с краю
Сядем — у печки теплей.

Шахматами прогоним
Приступ случайной тоски.
Вот он, как на ладони,
Замкнутый мир доски.

Не все ли равно, ждет удача
Сегодня Вас иль меня?...
Уж смутная мысль моя скачет
Извилистым ходом коня.

1922.

Вновь я посетил...

Проезжали автомобили, орудия, двуколки,
Враги приходили и вновь уходили назад.
На улицах сменялись польские четырех'уголки,
Фуражки со звездой и каски немецких солдат.

Бывали дни — пулеметы трещали,
И в небе аэроплан кружил,
И подожженные кварталы пылали,
И дым, расстилаясь, по городу плыл.

И в дыме пожаров и стекол звоне,
Отступая из города, буйствовал враг,
И на лошади, заморенной от долгой погони,
В'езжал на площадь советский казак...

Вот развалины станции. Сердце билось,
Когда я сходил, озираясь кругом.
С пассажирами сонная конка тащилась,
И на главной улице красили дом.

И город и люди, казалось, все те же,
Но в грязных лавченках — духи и шелк,
И щеголеватой таможенной стражи
Галопом к границе мчался полк.

1922.

НА ВОЛГЕ.

Вдали засвистел пароход,
Ползут огромные баржи.
Вечер. Маленький „Гаршин“
Вниз по реке идет.

Я на носу. Обвевает
Меня прохладой река.
Медленно уплывают
Уснувшие берега.

Я гляжу на луга, на овины,
На низких холмов гряды
И слушаю стуки машины,
Бульканье волжской воды.

1919.

Только что гром грохотал,
Молния резала мглу,
Дождь шумел и стекал
Струйками по стеклу.

Быстро утихла гроза.
Миг — и дождь перестал.
Тучи прорвавши, луч
На куполах засиял.

Небо все больше сквозит,
Ярче, синей вышина.
Мокрый карниз блестит
У моего окна.

Только из труб вода
Мутным потоком бежит,
Только, бледнея вдали,
Радуга в тучах горит.

1922.

Я позабыл, что настежь окно,
Что я сам его распахнул.
В комнату, словно в воронку, давно
Льется гул.

С грозовой и влажной слетев высоты,
В комнате ветер живет.
Книги раскрытой треплет листы,
Занавеску рвет.

Дребезжат пролетки, звучат голоса,
Горят купола и кресты.
Вдали за домами синеют леса,
Зеленеют сады.

1922.

II.

КАФЕ „ЛАНЖЕРОН“.

Столики стояли на взморье.
С ветром лицом к лицу,
Крепкую, как кофе,
Мы в чашечках пили луну.

Мы в чашечках пили радость
Белую, как молоко.
Как молоко, белый парус
По-морю шел легко.

Он шел по густому морю
Ночью, как кофе, густой,
Как кофе, турецкому морю,
Разбавленному луной.

Судак. 1917.

ЯЛТА.

Вдоль набережной проносится
За автомобилем автомобиль,
Гидроплан, накренившись, спускается
В зеленоватые волны.

А у мола грузится транспорт—
Наверное, он уйдет
Сегодня ночью с потушенными огнями
Куда-нибудь в Трапезунд...

И стою я лицом к тем невидимым берегам,
И мысль моя к ним летит.
А назад оглянешься — в небе Яйла
Тучей над Ялтой висит.

1918.

СУДАК.

Полдневный жар мутит и жжет.
И зной и блеск. И ум мутится.
Лежу у темносиних вод.
Что это явь, что это снится?

Горит песок, слепит глаза,
И дует беспрохладный ветер,
И тонут в море паруса,
И плещутся в прибое дети.

1920.

К ФЕОДОСИИ.

Утомительным этим мельканиям
Не предвиделось, как будто, конца.
Вы плыли, вы плыли, вы плыли
Однообразные степи.
Не спеша, уплывали вы, степи,
Тучи к северу медленно шли,
И по тучам, как по тучному лугу,
Поезд медленно шел к югу, —
По расплывшемуся рассвету
Поезд шел, как по тучной степи.
Но когда эти степи уплыли,
Когда тучи и степи уплыли,
И встали невысокие горы
Под таврическую лазурь, —
Тогда сквозь лазурь и сквозь горы
Оглушающей синевой
Дохлестнулось до самого сердца —
Черное море.

1917.

ГУРЗУФ.

Когда раздвинулись горы,
Душе стало так светло.
Здравствуй, Гурзуф и море
Синее, как стекло.

Я долго, я долго бродил
По тем берегам, что однажды
Дали приют поэту
Для томления и любви.

В задумчивости бродя,
Странной я тешился мыслью:
Участь, подобная участь
Что если ждет и меня?...

О, как манила тогда
Сладость любви утаенной,
О, как сияла тогда
Любви утаенной звезда —
„Редеет облаков летучая гряда,—
Звезда печальная, вечерняя звезда!“...

И вместе с мечтой о Пушкине
И о Марии Раевской
В неумирающем блеске
Помнишься мне ты, Гурзуф.

Кипарисы помнятся, горы,
В парке старинный дом...
Здравствуй, Гурзуф и море
Синее, как стекло.

1917.

Над раскрытою книгой,
Над листами бумаги —
Запах, запах соленый
Набегающей влаги.

В час раздумья ночного
После горестных мыслей
Неожиданно всплыли
В утомленном сознаньи —
Эти голые скалы,
Это южное море.

1918.

ИЗ ГЕЙНЕ.

Во сне я видел дочь короля
С прозрачными чертами.
Сидел, обнявшись с нею, я
И липа шумела над нами.

— Не нужен мне трон твоего отца,
Ни жезл его богатый,
Не нужны мне алмазы венца,
Но, родная, нужна мне сама ты.

— Это невозможно, ведь я лежу, —
Сказала она, — в могиле,
И только ночью к тебе прихожу,
Потому что люблю тебя, милый.

1918.

Набережной любовно вверяется сверху
Самая чистая, звонкая медь,
Снизу, с реки, подползающими снегами —
Безукоризненная белизна.

Я не знаю, чьей творческой воле
Обязана радость рожденьем,
И кем взволнованно выдуман
День этот, воздух, мороз.

И кто тот счастливый алхимик,
Превращающий в чистое золото,
И стихи и помыслы,
И любовь и вымыслы,
И день, и воздух, и мороз...

А Кремль белогрудой птицей
Из проруби воду пьет,
И глядит, и глядит и дивится
На Москву, на Январь и на лед.

1917.

Ночи безудержно рвались в бой,
Дни грохотали, как пушки,
Когда встал беспощадный Пушкин
Над горячей Москвой.

Над горячей Москвой, захлебнувшейся
В нечеловеческом счастье,
На неокрепшие плечи весны—
С бронзовых уст поэта
Слетели пучком прокламаций
Только что сочиненные,
Необыкновенные стихи.

И всем согражданам нужен
Был такой неумышленный жар,
И под руку с марсельезой,
И с этими флагами дружен
И дружен со всей толпой,
Приходил я учиться поэзии
Через огненную Тверскую
На весенний бульвар.

1917.

Слишком обыкновенная замерзшая речка,
Берег, на котором устроились сосенки,
Не решаясь, видно, ступить на лед
И, кроме того, небо простенькое
И тонкий скрип полозьев
Уезжавших на отдых туч.

В этой простоте и удобопонятности
Чернели, как сучья в снегу,
И были галок пугливее мысли.
Я боялся их каждым движеньем спугнуть,
Но от этой боязни совсем по новому
Билось сердце, дышала грудь.

Но к этой боязни примешивалось знание
Того, что можно, и того, что нельзя.
И потому,
Собрав все силы,
С изнурительным терпеньем
Я вонзал упорные лыжи
В неподатливую зиму.

И помню, она дрожала в ознобе,
В горячке рубаху рвала пополам,
Когда без спутников и без злобы
Я носился по снежным полям.

1917.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.

	Стр.
Москва	9
И лился свет	10
Быть может я вправду увижу	12
Пью кипяток из солдатской кружки	14
Я схожу со ступенек в сад	16
Мне вспоминается	17
Неуверенность, сомненья	19
Только что встало солнце	20
Здесь, на тенистой дороге лесной	21
Луг одуванчиками зацвел	22
Я брожу	23
Пурпур аллей осенних	25
Как медленно сумерки сходят	26
По переулкам вниз	28
В Лавре	29
Как праздничен день морозный	30
Не могу вас назвать приятелем	32
Блестит и извивается	34
Белоруссия	35
Нас умчит из Москвы экспресс	37
Что ж, я охотно сыграю	39
Проезжали автомобили	40
На Волге	42
Только что гром грохотал	43
Я позабыл, что настежь окно	44

Стр.

II.

Кафе „Ланжерон“. 47
Ялта. 48
Судак. 49
К Феодосии. 50
Гурзуф. 51
Над раскрытой книгой. 53
Из Гейне. 54
Набережной любовно вверяется сверху. . . 55
Ночи безудержно рвались в бой. 57
Слишком обыкновенная замерзшая речка. 58

